

Опера «Роделинда» на Мюнхенском фестивале

Разборки с королевой лангобардов

Идею тоталитарной власти символизируют черные статуи; в фигурах-близнецах чудится нечто муссолиниевское

Поляра Садых-заде / МЮНХЕН

Погас свет, и грянула увертюра — при плотно задернутом занавесе, что в последние годы в опере случается нечасто. Обычно постановщики так и норовят насильственно включить увертюру в сценическое действие. На сей раз, однако, режиссер Дэвид Алден от этого приема воздержался. Как-никак речь шла о необычной опере Генделя «Роделинда, королева лангобардов». Отказался Алден и от свойственной ему иронически-отстраненной интонации, сделав спектакль строгим и сдержанным. Музыка давала все основания к такому решению: сочинение не только предельно насыщено ариями, но и обладает поистине целеустремленной драматургией. Музыка «Роделинды», по преимуществу лирическая, предвосхищает тематику бетховенского «Фиделио»: и там, и тут сюжет объединен идеей супружеской любви и верности.

Либретто основано на трагедии Корнелия «Пертарит, король ломбардцев». Действие развивается в Милане около 670 года н.э. Интриги, борьба за власть, предательство, раскаяние тирана и хеппи-энд с финальным «квинтетом радости» — таково содержание оперы. События вертятся вокруг фигуры Роделинды — настоящей королевы, умеющей любить и ненавидеть. Потеряв супруга, короля Бертаридо, она яростно сопротивляется домогательствам узурпатора Гримоальдо: следует бешеная по энергетике «ария места», где слово «No!» — ключевое. Ее поддерживают в борьбе Эдвидже, сестра мужа, и Унульфо, тайный друг короля. История завершается благополучно: Бертаридо, как выясняется, не погиб. Он возвращается неузнанным и после ряда злоключений воссоединяется с супругой и сыном. В конце тиран Гримоальдо раскаивается, а злодей-provokator с внешностью и повадками террориста застрелен при попытке покушения на Гримоальдо.

Типовая форма оперы с ариями обогащена небывалым для

Генделя драматизмом. Арии — например гениальное «Lamento» Роделинды у гробницы супруга и ария самого Бертаридо «Dove sei» («Где ты, возлюбленная») — воспринимаются не как отдельные номера, а как некий диалог на расстоянии, и поражают невероятной даже для Генделя красотой. Алден переносит действие оперы в эпоху 1930—1940-х годов. Идею тоталитарной власти символизируют черные гиганты-статуи со скрещенными на груди руками, оттопыренные уши и массивный риншиковатый лбом (сценограф — Пауль Штайнберг). Лиц не видно, но в фигурах-близнецах чудится нечто муссолиниевское; догадка подтверждается в третьем акте, где тот же человек — на восьми одинаковых портретах (и характерная муссолиниевская посадка головы уже отчетливо видна).

Удаляющийся в перспективе кладбище ряд каменных Командоров — доминантная деталь сценографии первого акта. Ее дополняют глухие серые стены с нишами для урн — место упокоения безымянных солдат. Во втором акте антураж напоминает эстетику гангстерского фильма типа «Однажды в Америке». Лимузин с зажженными фарами под аркой моста, вывеска бара и слепые провалы окон заброшенного здания — типичное место гангстерских разборок. Персонажи одеты соответственно: «террорист» Гарибальдо — в кожаной куртке, «совестливый» тиран Гримоальдо — в смокинге и наброшенном на плечи черном пальто. Дамы явно возвращаются со светского раута — на них вечерние платья и меха, у Роделинды прическа а la Грета Гарбо и диадема в волосах. Присутствуют и немые персонажи: отряд рядовых гангстеров в черных костюмах и шляпах, в руках — скрипичные футляры, где явно спрятаны автоматы. Пока герои поют, на заднем плане оттанцовывает «гангстерский балет», выдержанный в типичной пластике бродвейских мюзиклов (только в три раза медленнее).

Центральный момент сцены — ария Роделинды; в ответ на угрозу Гримоальдо убить ее сына, если она не согласится на брак, королева сама требует резать Флавио, не желая быть одновременно женой узурпатора и матерью наследника. Потрясенный Гримоальдо отступает. В третьем акте на сцене три белых бокса; в каждом на стене — черный телефон, в углу — черный стул. В одном боксе бьется в пароксизме отчаянья Гримоальдо, в другом томится плененный Бертаридо. Партию Гримоальдо фантастически виртуозно исполнил английский тенор Пол Нилон; вообще ансамбль солистов на этом спектакле подобрался экстраординарный. Потрясающе экспрессивно вела партию Сюзан Гриттон — Роделинда. Бесподобная Соня Прина (Эдвидже) щедро рассыпала звуки блестящих пассажей. Мягкий тембр контра-тенора Майкла Чанса (рефлектирующий интеллигент Бертаридо — полная противоположность супруге, неистовой Роделинде) пленял нежностью интонации. Героический бас Умберто Кьюнмо (Гарибальдо) превосходно дополнял палитру.

Особняком в ансамбле стоял контратенор Кристофер Робсон — Унульфо. Его персонаж — единственная комическая фигура, призванная разряжать драматичные эпизоды. Внешность бухгалтера: коричневый костюмчик, очки, редкие волосики, зачесанные на лысину, суетливость и сложные взаимоотношения с пространством. Унульфо натывается на стены, путается в проводах и все время отчаянно трусит, что не мешает ему в решительные моменты исполнить свой долг. Робсон пел с редким мастерством и выказал недюжинное чувство комического в своих ариях, каждый раз сырав аплодисменты. В ударе был и оркестр, ведомый бессменным специалистом по барочному репертуару Айвором Болтоном. Музыканты заслужили овацию: в Мюнхене принято выходить на поклон не только солистам и дирижеру, но и оркестрантам с инструментами в руках.